ДВУЯЗЫЧНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ – БАЗА ДАННЫХ ДЛЯ СОЗДАНИЯ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

(на материале прилагательных в русском и болгарском языках)*

Ассоциативная лексикография является сравнительно молодой областью на фоне многовековой истории словарного дела. Ее годом рождения считается 1910 г., когда результаты проведенного Г. Кент и Н. Розановым свободного ассоциативного эксперимента были опубликованы в виде ассоциативного словаря [Kent, Rosanoff 1910]. С середины века стали появляться и другие словари такого типа: несколько американских, словари французских и немецких ассоциативных норм, словари ассоциативных норм польского [Kurcz 1967], словацкого [Marsalova 1972], украинского [Бутенко 1979], белорусского [Титова А. 1975] языков.

Среди них следует особо выделить «Словарь ассоциативных норм русского языка», изданный в 1977 г. под редакцией А.А. Леонтьева [Леонтьев 1977], «Русский ассоциативный словарь» [РАС 1994], который подготовлен в Институте русского языка РАН, а также «Български норми на словесни асоциации» [Герганов 1984].

Особый интерес для нас представляют и два двуязычных ассоциативных словаря: киргизско-русский [Титова Л. 1975] и латышско-русский [Ульянов 1988]. На них остановимся подробнее. Латышско-русский ассоциативный словарь был построен на базе данных двух свободных ассоциативных экспериментов: один с носителями русского языка, а другой – с носителями латышского языка. В состав словаря вошли обработанные и систематизированные данные о 160 латышских и 150 русских словах-стимулах, на каждое из которых было получено в среднем по 530 реакций.

Из словарных статей, расположенных по алфавиту латышских слов-стимулов, можно получить традиционную для одноязычных ассоциативных словарей информацию, а именно: указание на общее

---

* Опубликовано в: Вопросы лингвистики и лингводидактики. Материалы конференции МАПРЯЛ. Краков, 23–24 апреля 1996. Краков, 1996. С. 271–278.

число информантов и количество полученных различных ответов, сведения о частоте слова-стимула (по данным частотных словарей) и о частоте каждой реакции. В структурном отношении также наблюдается аналогия со статьями этого жанра: за порядковым номером следуют слово-стимул, указанные статистические данные, слова-реакции (в порядке убывания частоты ответов). Так представлен и материал на латышском, и материал на русском языке.

Главной особенностью этого словаря является то, что каждая его статья представляет собой сложную структуру, состоящую из латышско-русской и русской частей. В первой, латышско-русской, части, кроме указанных данных, после каждой реакции приводится ее русский перевод, «являющийся более или менее нейтральным, общим по значению словом (при полисемии или омонимии приводятся два слова), причем при выборе русского эквивалента к латышскому ассоциату прежде всего учитывается его ассоциативно-семантическая связь с исходным словом» [Ульянов 1988, 35]. Вторая, русская, часть ничем не осложнена.

Следует отметить небольшую, но, по нашему мнению, очень важную подробность этого словаря: большинство участников экспериментов, ставших основой рассматриваемого словаря – студенты рижских вузов – являются билингвами (для одних из них родной язык русский, а второй латышский, для других – родной латышский, а второй русский). Это, как нам кажется, не могло не отразиться на чистоте результатов экспериментов. Интерференция языков и действие ряда экстралингвистических факторов вряд ли помогают исследователю прийти к объективным выводам в ходе сопоставления данных об ассоциативных нормах того и другого языка и выявления сходств и различий между ними[1]. В данном случае речь может идти только о сопоставлении особого рода (а именно сопоставление ассоциативных норм русского и латышского языков в условиях билингвизма). В этом отношении данный словарь является неоценимой базой для исследований.

---

[1] Ср. «Сопоставляя ассоциативные структуры эквивалентных «слов-стимулов», вы можете увидеть сходство и различие ассоциаций, возникающих у носителей латышского и русского языков, отметить специфические особенности структур ассоциативных полей латышских и русских слов» [Ульянов 1988: 34].

Исключительный интерес с точки зрения материала для теоретических изысканий и практического использования в условиях двуязычия представляет и киргизско-русский словарь [Титова Л. 1975]. В нем систематизированы данные свободных ассоциативных экспериментов, проведенных со студентами города Фрунзе (носителями русского языка – 500 человек и носителями киргизского языка – 500 человек). И тут, как в латышско-русском словаре, словарные статьи представляют собой двухчастную структуру. В киргизско-русской части также отмечается русский перевод каждого киргизского слова-реакции. Следует, однако, отметить, что, как подчеркивает и сам составитель словаря, эти переводы имеют условный и приблизительный характер[2].

В этом словаре, кроме обычных статистических данных о стимулах и вызванных ими реакциях, можно найти еще очень ценные русский и киргизский алфавитные указатели ассоциаций (при каждом слове, выступившем в качестве ассоциации на определенное слово-стимул, указывается номер словарных статей, в которых оно зафиксировано). Эти указатели, в сущности, представляют собой «числовые» образы так называемых «обратных» ассоциативных словарей.

После представления известных нам двуязычных ассоциативных словарей следует подчеркнуть, что предлагаемый нами тип словарной статьи для будущего русско-болгарского словаря, построенного на базе данных свободных ассоциативных экспериментов с носителями русского языка (эксперимент проводился в Москве сотрудниками Института русского языка РАН в 1989–1990 гг.) и с носителями болгарского языка (эксперимент проводился мной в Софии), отличаются от рассмотренных как в отношении структуры словарной статьи, так и в отношении способа подачи обработанного и проинтерпретированного материала экспериментов.

---

[2] Ср. «Такой способ (перевод), однако, не может раскрыть все возможные направления мыслей испытуемых, которыми они руководствовались при ассоциировании. Само собой разумеется, что в некоторых случаях ассоциации устанавливались у разных испытуемых на разных основаниях, причем уловить все эти основания в кратких русских переводах просто невозможно. Давать же полные переводы киргизских ассоциаций нереально» [Титова Л. 1975: 7].

В отличие от подхода, при котором составители ассоциативного словаря лишь регистрируют данные экспериментов, сгруппировав реакции на определенный стимул в одну словарную статью и расположив их в порядке убывания частоты (назовем его «регистрирующим»), в рамках нашего подхода (назовем его «интерпретаторским») можно не только указать на связь между стимулом и реакцией, но и, интерпретируя определенным образом ее характерные особенности, «показать» эту связь. В данном случае объектом лексикографирования является уже не «сырой» материал экспериментов, но результат его интерпретации. Помодельная фиксация является, как нам представляется, удобным способом «показа» связи между стимулом и реакцией.

Двухчастную структуру словарной статьи в двуязычных ассоциативных словарях мы предлагаем заменить трехчастной. Это выражается в ее вертикальном делении на три части, каждая из которых отграничена от другой при помощи сплошной вертикальной линии. Первую (левую) часть условно можно назвать «русской», так как в ней на конкретном материале ассоциативных экспериментов с носителями русского языка демонстрируется ассоциативная сочетаемость исследуемого русского слова. Третью (правую) часть условно можно назвать «болгарской», так как там расположен аналогичный материал на болгарском языке. Вторую (среднюю) часть можно определить «метаязыковой». Эта часть не принадлежит ни одному из рассматриваемых языков, но соотносима с ними. Она представляет собой экспликацию так называемого tertium comparationis (‘третий член / критерий сравнения’) [Штернеманн 1989: 144], обеспечивающего базу для сопоставления.

В отличие от традиционных ассоциативных словарей, в предлагаемом типе словаря воспринята поуровневая подача проинтерпретированных данных экспериментов в соответствии со структурой языковой личности[3]. Это привело к горизонтальному делению словарной статьи на три части. В первой (ФРАГМЕНТЫ ЛЕКСИКОНА) представлены данные об окружении слова в ассоциативно-вербаль-

---

[3] См. об этом в [Караулов 1987].

ной сети[4] русской языковой личности и аналогичные данные о его корреляте в ассоциативно-вербальной сети болгарской языковой личности. Во второй части (ЭЛЕМЕНТЫ ТЕЗАУРУСА) размещены зафиксированные в экспериментах данные о некоторых элементах тезауруса соответственно русской языковой личности и болгарской языковой личности, а в третьей (ЭЛЕМЕНТЫ ПРАГМАТИКОНА) – элементы прагматикона.

Итак, мы указали на некоторые принципиальные отличия нашего подхода при лексикографировании данных ассоциативных экспериментов от уже существующих.

Далее посмотрим на будущий словарь, составленный на основании предлагаемого подхода, как на базу данных для создания учебных пособий по иностранному языку (в нашем случае по русскому языку для болгар или по болгарскому языку для русских).

Близкое родство русского и болгарского языков заставляет современных лексикографов очень серьезно задуматься при выборе конкретных лексикографических жанров, подходов и приемов в работе над русско-болгарскими и болгарско-русскими словарями. Нами был выбран жанр двуязычного ассоциативного словаря. Естественно ограниченный и отличающийся стереотипностью материал ассоциативных экспериментов позволяет лексикографу включить в словарь только то, что использует рядовой носитель соответствующего языка. Таким образом решается очень серьезная проблема минимизации языкового материала, а также проблема, связанная с подбором иллюстративных примеров.

В каждой словарной статье составитель учебного пособия может найти необходимую ему информацию о семантической структуре русского слова-стимула и его болгарского коррелята, так как данные на первом, семантико-грамматическом, уровне упорядочены в зависимости от выделяемых лексико-семантических вариантов русского и болгарского слов-стимулов. Как правило, наблюдается полное совпадение выделяемых в толковых словарях ЛСВ[5] с выражаемыми при помощи зафиксированных реакций значениями стимулов (ср.:

---

[4] См. об этом в [Караулов 1993].

[5] ЛСВ – лексико-семантический вариант.

10 ЛСВ в словарной статье ДОБРЫЙ – ДОБЪР при наличии 8 ЛСВ в четырехтомном «Словаре русского языка» и 6 ЛСВ в трехтомном толковом словаре болгарского языка. Расхождение получается в результате существующих различий в семантике русского и болгарского слов, которые делают необходимым добавления в состав ЛСВ русско-болгарской словарной статьи).

В двуязычном ассоциативном словаре обсуждаемого типа демонстрируются также синонимические (см. р. ИНОСТРАННЫЙ – *заграничный*, б. ЧУЖДЕСТРАНЕН – *задграничен*, *не роден*, *не национален*), антонимические (р. МОЛОДОЙ – *старый*, р. НАСТОЯЩИЙ – *фальшивый*, б. МЛАД – *стар*, б. ИСТИНСКИ – *фалшив*), омонимические, паронимические связи стимулов. Приводятся зафиксированные случаи словообразовательных отношений между стимулом и реакцией (см. р. СВОБОДНЫЙ – *свобода*, б. СВОБОДЕН – *свобода* и т.п.).

Широко представлена семантическая и лексическая сочетаемость стимулов. Следует отметить, что одной из главных особенностей рассматриваемого словаря является тот факт, что в нем данные экспериментов приводятся не в виде перечня полученных реакций, а в форме моделей двух слов и их синтаксических примитивов, т.е. своеобразных стандартизованных сочетаний, готовых к употреблению, а следовательно, подлежащих усвоению со стороны иностранного учащегося. Например: р. ГОРДЫЙ – *и смелый*, б. ГОРД – *и непоколебим*; р. МОЛОДОЙ – *но мудрый*, б. МЛАД – *но талантлив* и т.п.

В рамках первого уровня находят свое место и особенности морфологического и синтаксического характера слов-стимулов. Например: р. ЧИСТЫЙ – *душой*, б. ЧИСТ – *по душа*; р. СВОБОДНЫЙ – *от всего*, б. СВОБОДЕН – *от всичко* и т.п.

Таким образом, на конкретном материале демонстрируется «жизнь», бытование определенного слова в ассоциативно-вербальной сети русской языковой личности и его коррелята в ассоциативно-вербальной сети болгарской языковой личности.

Очень важно подчеркнуть, что это в словарной статье дано в сопоставительном плане; в ней, в сущности, зафиксированы результаты проведенного сопоставительного анализа: определенным образом подается материал, когда наблюдается сходство, и особо отмечают-

ся случаи расхождения: при помощи перевода, комментария, «пустого места» (значимого отсутствия) и др. (см. словарную статью ДОБРЫЙ – ДОБЪР). Таким образом, составителям учебных пособий остается только включить этот конкретный материал в соответствующую учебную единицу.

Большой интерес вызывают встретившиеся в ходе экспериментов элементы тезауруса – когнитивного уровня. Вторая горизонтальная часть словарной статьи отводится им. Они распределены по типам: идиоматические сочетания, типичные сравнения (например: р. БЫСТРЫЙ – *как ветер*, р. ГИБКИЙ – *как лоза*); тематические группы (например: р. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ – *вагон*, *перегон*, *перрон*, *поезд*, *путь*, *рельсы*, *шлагбаум*, *шпалы* и б. ЖЕЛЕЗОПЪТЕН – *вагон*, *влак*, *колело*, *релси* и т.п.)*;* генерализованные высказывания (например: р. ПОМОГАТЬ – *старый – Следует помогать старым*; б. ПРОСТ – *народ – Прост народ – слаба държава*, и др.); наглядно-образные представления носителей языка (например: р. ИЗВЕСТНЫЙ – *писали в газетах*, р. ИНОСТРАННЫЙ – *оттуда*, б. ГОРД – *красива високомерна жена* (зрительные образы), р. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ – *тарахтит* и б. ЖЕЛЕЗОПЪТЕН – *трака* (слуховые образы), прецедентные тексты (например: р. ВЫСОКИЙ – *Дядя Степа*, р. ГОРДЫЙ – *Буревестник*, *Сокол*; р. БЕЛЫЙ – *Бим*, б. ЧИСТ – *свят* – «*... за чиста и свята република...*»[6] и т.п.)

В ходе свободных ассоциативных экспериментов нередки случаи, когда испытуемое лицо выражает свое отношение к миру, точнее к тому «кусочку мира», с которым связан активированный словом-стимулом участок в его сознании. Это элементы третьего уровня – прагматикона. Например: р. ИНОСТРАННЫЙ – *не наш*, *другой*, *чужой*, *очень странный*, *бзик*, *идиот*, *фу!* и б. ЧУЖДЕСТРАНЕН – *друг*, *нахален*, *непривичен*, *различен*, *странен*, *чужд*; р. ВОЕННЫЙ – *подтянутый*, *стройный*, *храбрый* и б. ВОЕНЕН – *дисциплиниран*, *смел*, *строг* (положительная оценка), а также р. ВОЕННЫЙ – *дубовый*, *дуб*, *дурак*, *идиот*, *кирпич*, *кретин*, *пень*, *солдафон*, *тупица*, *мерзко*

---

[6] Слова Васила Левского, которые хорошо известны носителям болгарского языка из документальных и художественных произведений и широко употребляются как крылатое выражение.

и б. ВОЕНЕН – *глупав*, *груб*, *педантичен*, *прост*, *скучен*, *тъп*, *идиот*, *тъпак* (отрицательная оценка).

И если информацию, содержащуюся в первой части словарной статьи, можно найти в разного рода лингвистических словарях и справочниках, хотя в них она представлена разрозненно и не в сопоставительном плане, то нам неизвестны пособия справочного характера, в которых содержатся данные сопоставления когнитикона и прагматикона соответственно русской и болгарской языковых личностей.

Имея в виду, что знание зафиксированных элементов когнитикона и прагматикона рядовых носителей соответствующих языков желательно для адекватного понимания и продуцирования иноязычной речи учащимися, включение в необходимой форме этих элементов в учебные пособия не вызывает вопросов.

В заключение следует отметить, что разработанную методику составления двуязычного ассоциативного словаря на материале прилагательных русского и болгарского языков можно использовать и для исследования и лексикографирования материала любой другой пары языков. А из изложенного следует, что и возможность составления учебных пособий по соответствующему иностранному языку на основании такого рода справочников не должна вызывать сомнения.

ЛИТЕРАТУРА

Бутенко 1979 — Бутенко Н.П. Словник ассоціативных норм української мови. Львів: Вид-во при Львів. ун-ті. «Вища школа», 1979. 120 с.

Герганов 1984 — Герганов Е., Иванчева Л., Кърлова Р., Николов В., Николова Цв. Български норми на словесни асоциации (под ред. на Е. Герганов). София: Наука и изкуство, 1984. 272 с.

Караулов 1987 — Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука, 1987. 264 с.

Караулов 1993 — Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. Москва: Русский язык, 1993. 330 с.

Леонтьев 1977 — Словарь ассоциативных норм русского языка (под ред. А.А. Леонтьева). Москва: МГУ, 1977. 172 с.

РАС 1994 — Русский ассоциативный словарь. Книги 1–6. Авторы-составители: Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Москва: ИРЯ РАН, 1994–1998. Кн. 1. 223 с.; Кн. 2. 356 с.; Кн. 3. 210 с.; Кн. 4. 322 с.; Кн. 5. 202 с.; Кн. 6. 323 с.

Титова А. 1975 — Титова А.И. Устойчивые ассоциации лексем в некоторых славянских языках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Минск: БГУ, 1975. 23 с.

Титова Л. 1975 — Титова Л.Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе: Мектеп, 1975. 95 с.

Ульянов 1988 — Ульянов Ю.Е. Латышско-русский ассоциативный словарь. Рига: Зинатне, 1988. 185 с.

Штернеманн 1989 — Штернеманн Р. Введение в конструктивную лингвистику // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Москва: Прогресс, 1989. С. 144–178.

Kent, Rosanoff 1910 — Kent G., Rosanoff A. A study of association in insanity // American Journal of Insanity, Vol. 67, Nos. 1–2. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1910. Pp. 37–96 (No. 1); 317–390 (No. 2).

Kurcz 1967 — Kurcz I. Polskie normy powszechności skojarzeń swobodnych na 100 słów z listy Kent-Rosanoffa [w]: Studia Psychologiczne. T. 8. 1967. S. 122–255.

Marsalova 1972 — Maršálová L. Slovno-asociačné normy: 1.–4. trieda ZDŠ. Bratislava: Univerzita Komenského, 1972. 266 s.